

Семья Хэ отправилась на праздник, захватив с собой и детей.

Многие приглашенные пришли с семьями, чтобы дети одного возраста могли вместе поиграть.

Хоть мальчики и девочки старше семи лет и должны были держаться друг от друга на расстоянии, на самом деле правило это не так уж и часто соблюдали. В семье Хэ было несколько детей из поколения Хэ Чэна. Среди них двое, мальчик и девочка, были детьми Хэ Сюаня и госпожи Вэй. Они были младше Хэ Чэна на год-два.

Здесь также присутствовали внуки братьев старика Хэ, некоторые из которых были старше Хэ Чэна, но большинству было шесть-восемь лет.

Дети, как это обычно происходит, объединялись друг с другом в группы. Поскольку они лишены чувства такта, слова, срывающиеся с их уст, звучали еще обиднее, чем упреки взрослых. Возможно, наслушавшись разговоров своих старших, а может потому, что Хэ Чэн был очень скучным и неразговорчивым, никто не хотел с ним играть, поэтому он сидел в одиночестве.

Началось все с того, что группка детей собралась поиграть на заднем дворе, а Хэ Чэна с собой не позвала. Хэ Чэну стало завидно, так что он тайно последовал за ними.

Барышня Вэй Чжу, младшая дочь Вэй Цэ и сестренка госпожи Вэй, была с самого рождения очень хорошенькой. Всякий раз, когда дети играли вместе, мальчишки с восторгом поглядывали на нее.

Сегодняшний праздник не был исключением. Барышня Вэй Чжу сказала, что ей нужны цветы для венка и маленькая птичка в качестве питомца. Мальчишки с шумом разбежались собирать цветы и ловить для нее птиц, заставив остальных девочек злиться и завидовать. В том числе и двоюродную сестру Хэ Чэна.

Девочки поссорились с барышней Вэй Чжу и оставили ее одну, как и Хэ Чэна, после чего, взявшись за руки, убежали играть без нее.

Барышня Вэй Чжу хотела последовать за ними, но понимала, что будет выглядеть как-то неловко, так что могла лишь сердито сидеть в сторонке и дуться.

Хоть Хэ Чэн и был ребенком, он уже умел ценить красоту и уродство. Ему тоже нравилась симпатичная маленькая барышня Вэй Чжу, так что он набрался смелости и подошел, чтобы поздороваться. К сожалению, барышня Вэй Чжу не собиралась обращать на него внимания и сказала, что его отец бесполезный нищий, сдавший лишь окружной экзамен. Они поссорились, и Хэ Чэн убежал, грустный и злой.

До этого момента все это было лишь пустяком, детской игрой. Многие пережили что-то подобное, когда были маленькими – тут нет ничего странного.

Однако вскоре после того, как Хэ Чэн убежал, его нашла семья Хэ и сообщила, что барышня Вэй Чжу мертва.

Она упала в колодец и утонула.

Две последние покинувшие барышню Вэй Чжу девочки, одной из которых была двоюродная сестра Хэ Чэна, сказали, что слышали, как тот ссорился с барышней Вэй Чжу.

Услышав об этом, многие заподозрили Хэ Чэна в том, что он со злости случайно столкнул барышню Вэй Чжу в колодец, а потом, испугавшись наказания, сбежал.

Тан Юй не ожидала, что на празднике в честь месячного ребенка случится такое ужасное событие.

Видя, как взгляды, устремленные на его сына, становятся все более и более подозрительными, Хэ Линь, как человек, ужасно пекшийся о своей репутации, не смог этого вытерпеть. Его сын был так ошарашен, что не мог найти слов в свое оправдание. Это ужасно разозлило Хэ Линя, и он принялся избивать Хэ Чэна на глазах у всех.

Когда Тан Юй узнала о случившемся, Хэ Чэн уже порядком пострадал. Хэ Линь не проявил ни капли милосердия, даже велел слугам семьи Вэй принести палку, чтобы лично наказать его.

Тан Юй была не в состоянии остановить его, так что старик Хэ выступил вперед, чтобы помешать Хэ Линю.

Тан Фан нахмурился, услышав это. А когда узнал, что Хэ Линь избил Хэ Чэна на глазах у всех, его лицо вмиг стало мертвенно-бледным.

— Как обстоят дела сейчас? Они вернулись в дом Хэ?

— Нет, — покачал головой Янь Ли. — Когда я выходил, они все еще были в доме Вэй. Говорят, Вэй сообщили о произошедшем властям. Магистрат Вэн лично прибыл на место происшествия. Молодой господин, мы ведь разберемся с этим?

Причина, по которой он задал этот вопрос, заключалась в том, что в те времена отцы имели право бить своих сыновей. Да что уж бить! Если бы отец случайно убил своего сына, он считался бы невиновным, однако сыновья, что убивали своих отцов, должны были быть казнены.

Другими словами, Хэ Чэн принадлежал семье Хэ, а фамилия Тан Фана была «Тан». Хоть он и был его дядей, в случае если бы он вмешался, ему, возможно, пришлось бы нанести оскорбление семье Хэ.

Суй Джоу велел Янь Ли и второму служащему сопровождать и защищать Тан Фана, так что Янь Ли не боялся навести тут шороху. Он просто хотел уточнить у Тан Фана, насколько большой шорох он может навести: у него уже были кое-какие соображения на этот счет.

— Разберемся! Конечно, разберемся! — серьезно ответил Тан Фан, а затем повернулся к Ван Джи: — Что ж, тогда прощаемся?

Янь Ли конечно же тоже заметил Ван Джи. Тот больше не носил бороду для маскировки, так

что Янь Ли узнал его.

Он с удивлением глядел на главу Западной Ограды, не в силах понять, зачем тот прибыл сюда из столицы.

Однако Ван Джи не удостоил его и взглядом, лишь слабо кивнул Тан Фану.

Тан Фан вежливо поклонился ему, сложив руки, молча развернулся и поспешил вместе с Янь Ли к дому Вэй, чтобы потушить разгоревшийся там пожар.

Семья Вэй пребывала в смятении.

Праздник в честь месячного ребенка обернулся трагедией. Многие гости в спешке разошлись, а остальные собрались, чтобы понаблюдать за дальнейшим развитием событий. Лицо главы семьи Вэй Цэ было таким мрачным, что, казалось, вот-вот разразится дождем. Его жена госпожа Чай была занята, руководя слугами, что провожали гостей, дабы не создавать еще больше шума.

Кроме госпожи Вэй, старшей дочери, вышедшей замуж за Хэ Сюаня, у Вэй Цэ было еще четыре дочери, рожденных от наложниц. Старшая из них была подростком и уже вышла замуж, тогда как младшей, скончавшейся барышне Вэй Чжу, было лишь шесть.

Барышня Вэй Чжу была умна и унаследовала красоту своей матери. Хоть Вэй Цэ и ждал с нетерпением сына, это не мешало ему очень любить свою маленькую дочь.

Какая жалость, что эта горячо любимая малышка лежала теперь рядом с колодцем, из которого только что вытащили ее мокрое бездыханное тело.

Ее мать упала на землю подле нее и рыдала.

Во дворе собралась большая толпа народу. В том числе магистрат Вэн, люди семей Хэ, Вэй и многие благородные и известные мужи города.

Хэ Чэн стоял в центре на коленях с распухшими щеками.

Тан Юй прижимала сына к себе, по лицу ее текли слезы.

Вэй Цэ был мертвенно-бледным. Не скрывая своего гнева, он сложил руки, обратившись к старику Хэ:

— Осмелюсь спросить свата. Я выдал свою дочь замуж в вашу семью Хэ больше десяти лет назад. Она когда-нибудь нарушала женские добродетели?

Старик Хэ не был уверен, к чему тот клонит, так что ответил лишь:

— Никогда.

— Может, я когда-нибудь прикрывался добрым именем семьи Хэ, чтобы обманывать людей или творить другие беззакония?

— Нет, – неторопливо отвечал старик Хэ. – Мы с тобой сваты уже больше десяти лет и все это время неплохо ладили. Каждый раз, когда строятся мосты или прокладываются дороги, твоя семья Вэй вносит огромный вклад. Для семьи Хэ иметь таких родственников – благословение.

— Коли так, – гневно продолжал Вэй Цэ, – теперь, когда доказательства неопровержимы, я прошу господина не препятствовать мне добиваться справедливости для моей дочери!

Он с ненавистью уставился на Хэ Чэна, на вероятного убийцу его дочери. Если бы не присутствовавшие тут магистрат Вэн и члены семьи Хэ, он бы сам бросился избивать его.

— Правда пока неизвестна, – спокойно отвечал господин Хэ. – Обстоятельства дела должны быть расследованы властями. Моя семья на протяжении многих поколений не была замешана ни в чем дурном. Если наш ребенок окажется виновен, свату не нужно будет ничего делать. Я лично накажу его!

— Давайте сначала послушаем, что скажет Цилан! – вздохнул окружной магистрат Вэн.

— Паршивец! – крикнул Хэ Линь Хэ Чэну. – Сейчас же рассказывай нам все без утайки!

Испепеляющие взгляды всех присутствующих устремились к Хэ Чэну.

Он был ребенком. Разве он когда-нибудь сталкивался с чем-то настолько ужасным? Глядя на свирепое выражение лица своего отца, он потерял всякую способность соображать. Лишь крепче прижался к матери и, обнимая ее, прошептал:

— Я не толкал ее! Я не толкал!

Тан Юй вытерла слезы, сжала Хэ Чэна за плечи, чтобы тот не убежал, и заглянула сыну в глаза:

— Цилан, скажи своей маме, ты ссорился со своей четвертой тетей Вэй?

Хоть барышня Вэй Чжу и была на год младше Хэ Чэна, она была младшей сестрой госпожи Вэй, а госпожа Вэй была тетей Хэ Чэна, так что они были из разных поколений.

Хэ Чэн долго колебался, а затем робко кивнул.

— Куда ты пошел после ссоры?

Хэ Чэн взглянул на своего отца и опустил голову, не смея произнести ни слова.

Увидев это, Хэ Линь рассвирепел.

Половину своей жизни он купался в славе, пока его не настиг сокрушительный провал. От былой известности не осталось ни следа, лишь безукоризненная репутация ученого помогала ему хоть как-то сохранять лицо. Теперь же, когда Хэ Чэн публично опозорил его, а на семью Хэ, вероятно, пал позор недостойного потомка, Хэ Линь пришел в ярость. Он бросился вперед, грубо вырвал Хэ Чэна из рук Тан Юй и замахнулся палкой, собираясь ударить его.

— Нет! – Тан Юй не успела бы остановить его, ей оставалось лишь обнять ребенка, закрывая его собой.

— Остановись!

Следом за громким криком Хэ Линь почувствовал, как черная тень ударила его по макушке, от чего его руки тотчас онемели. Прежде чем он успел понять, что произошло, его оттолкнули назад.

Раздались крики боли: человек, что стоял позади Хэ Линя тоже пострадал, когда тот свалился на него.

Приглядевшись повнимательнее, окружающие обнаружили, что вторым неудачником, по случайности втянутым в это, оказался Хэ Сюань.

Братья лежали вповалку, пока кто-то не помог им подняться. Публично униженный, Хэ Линь покраснел от стыда и гнева.

Не дожидаясь, пока те поднимут шум, пытаясь выяснить, что произошло, Тан Фан подошел к ним в сопровождении Цянь Сан-эра и Гунсунь Яня (видимо, второй служащий ИС).

Янь Ли, только что пнувший Хэ Линя, уже легко отпрыгнул в сторону, выбросив деревянную палку, которую он выхватил у Хэ Линя из рук, так, что, отлетев, она ударила самого Хэ Линя. Лицо последнего исказилось – очевидно, это было довольно болезненно.

— Шурин! – разозлился Хэ Линь. – Так ты обучаешь своих людей?! Они ужасно невоспитанные!

Прежде он не слышал умозаключений старика Хэ, так что не знал, что Янь Ли – служащий Императорской Стражи.

Янь Ли хлопнул в ладоши, холодно усмехнувшись:

— А у тебя есть яйца! Старина Янь уже много лет в Северном Дворе служит и ни разу не слышал, чтобы кто-то осмелился разговаривать так с Императорской Стражей!

Стоило ему открыть свою личность, как все присутствующие замерли, как громом пораженные.

Хоть семья Хэ уже догадывалась об этом, предполагать и знать наверняка – разные вещи. Теперь, когда их догадки подтвердились, им было не по себе.

Лишь повидавший мир старик Хэ оставался спокоен.

Он вежливо сложил руки и поклонился Янь Ли:

— Не имею чести знать имя Вашей Светлости, какую должность вы занимаете в Императорской Страже?

Янь Ли сложил руки в ответ:

— Не стоит. Янь Ли, цзунцы Северного Двора Императорской Стражи.

Старик Хэ был слегка озадачен.

Он полагал, что даже если тот был и из Императорской Стражи, должно быть, и чина-то не имел. Кто ж знал, что перед ним стоит цзунцы!

Неужели, Тан Фан совершил настолько ужасное преступление, что к нему самого цзунцы приставили для слежки?

Подумав об этом, он заставил себя успокоиться и как можно более мягким тоном произнес:

— Господин Янь, пожалуйста, подойдите, я хотел бы с вами поговорить.

Однако Янь Ли внезапно сделал вид, что не понимает его:

— Нет необходимости. Мы можем поговорить и тут.

Господин Хэ аж поперхнулся и поспешил сказать:

— До выхода на пенсию этот старик немного дружил с вашим командующим Ванем.

— Теперь Императорская Стража слушает только командующего Юаня, а не командующего Ваня.

Он имел в виду, что намеками на связи с Вань Туном его не пронять, потому что он не относился к числу его людей.

На самом деле, император уже высказал свое желание вернуть Вань Туна на пост главы Императорской Стражи, но подобные дела быстро не делаются. Узнав о намерениях императора, Юань Бинь успел раньше и подал в отставку. Согласно популярной в то время традиции, вне зависимости от того, хотел он этого или нет, после такого император должен был просить того остаться до тех пор, пока Юань Бинь не подаст в отставку несколько раз подряд.

Так что на данный момент номинально главой Императорской Стражи по-прежнему оставался Юань Бинь.

Старик Хэ никогда прежде не сталкивался с таким непрошибаемым человеком. Ему ничего не оставалось, кроме как объясниться напрямую:

— В любом случае, это дело семьи Хэ. Господин Янь, вы здесь, должно быть, по долгу службы, так что, пожалуйста, не вмешивайтесь. Этот старик очень извиняется.

Янь Ли взглянул на Тан Фана и, увидев, что тот слегка покачал головой, проигнорировал слова господина Хэ, подошел и встал позади Тан Фана.

При виде такой сцены в сердце старика Хэ всколыхнулись бурные волны.

Неужели он ошибся и Императорская Стража здесь вовсе не для того, чтобы следить за Тан Фаном?

Но коли так, зачем им следовать за человеком, которого лишили должности?

Даже старый и умудренный господин Хэ растерялся.

Остальные члены семьи Хэ о подобном не задумывались. Особенно Хэ Линь, которого только что пнули и ударили палкой. Видя, что окружающие его шурина люди, устраивают столь свирепое представление, он разозлился и сердито воскликнул:

— Жунцин, что все это значит?!

Тан Фан тоже с трудом сдерживал гнев. Однако, чем больше он злился, тем спокойнее казался.

— Ничего такого. Просто помешал тебе забить собственного сына до смерти. Цилан мой племянник!

— Фамилия Цилана – «Хэ», а не «Тан». Я его отец, так что могу бить его, сколько хочу! Никто не вправе осудить меня! Даже если я забью его до смерти, по «Закону Великой Мин» буду признан невиновным! Более того, этот мелкий ублюдок столкнул в колодец человека! Я забью его до смерти, чтобы он не навлек на нас позор!

— Впечатляюще! – усмехнулся Тан Фан. – Ты так хорошо знаешь «Закон Великой Мин»! Но что-то я не вижу, чтобы ты сдал провинциальный экзамен! Как же так?

Лицо Хэ Линя мгновенно стало красным, но не от стыда, а от гнева.

Тот одним предложением задел его за больное.

Но Тан Фан не собирался давать ему спуску:

— Ты потратил впустую двадцать лет и даже провинциального экзамена не сдал, не то что императорского. Лишь перед женой и ребенком можешь самоутверждаться? Правда еще неизвестна, а ты уже кричишь, что Цилан виновен! Ты окружной магистрат или старший чиновник Министерства Наказаний? Кто ты такой, чтобы признать Цилана виновным? Если можешь, избежь его – и пусть весь мир увидит, что ты не только ничего в жизни не добился, но и собственного сына готов подставить, дабы лицо сохранить!

Господин Тан обычно был скромным благородным мужем, который старался ни с кем не ссориться. Даже когда командующий Ван ругал его, он лишь тер нос и улыбался.

Но у благородных мужей есть вещи, которые они делают и которые – нет. Если Тан Фан ни с кем не ругался, это не значило, что он никогда и ни при каких обстоятельствах не стал бы этого делать. Зависело от того, считал ли он это необходимым или нет.

Хэ Линь растерялся, не зная, что ответить. Его, как человека, который очень пекся о своей репутации, обвинения Тан Фана заставили покраснеть, позеленеть, а потом и побелеть. Его грудь часто-часто вздымалась, а ярость подступила к самому сердцу.

\*\*\*

Примечания переводчика:

«Пощечина» (巴掌) в названии употребляется в значении «унизительное опровержение», ну или просто «унижение».

<http://tl.rulate.ru/book/50212/2036793>